

1852 – конец 1930-х ЛЕЙБ ГНОЕНСКИЙ, БОСЯ ГАБИНСКАЯ

Дедушка и бабушка моей матери по линии её отца

и другие ветки их семьи пустили корни в местечках Киевской области, в своём большинстве основанных ещё в 11-м веке, вскоре после того, как Русь приняла христианство. Впоследствии эти места оказались в черте оседлости и внесли, за время жизни моих родственников, весьма существенный вклад в общие тридцать тысяч евреев, уничтоженных в Украине в конце 1910-х - начале 1920-х погромных лет.

Лейб Гноенский и Бося Габинская жили в Корсуне. Они поженились в 1866 году, сразу после бармыцвы Лейба. Босе было четырнадцать, на год больше, чем её жениху. Их отцы договорились об этом союзе задолго до того, как их дети достигли брачного возраста.

Семьи приветствовали как возможно более раннее появление невестки, дополнительной пары рук, в доме. И не только, чтобы помочь в хозяйстве, но и чтобы максимально растянуть детородный период и, таким образом, увеличить шансы на рождение сыновей в надежде, что большинство из них дорастёт до самостоятельной жизни, несмотря на разгул дифтерии, туберкулеза, скарлатины, дизентерии. Но Босе было уже двадцать, когда родился её первый живой ребенок. Первые шесть, все мальчики, были мертворождёнными. Они, Бося говорила, отняли её улыбку.

Внуки запомнили Босин строгий взгляд и суровое выражение лица, тёмный загар которого делал его ещё суровее; её твёрдую походку; и её холодный юмор, действовавший, как головомойка.

Гноенские торговали медом и патокой, изделиями из кожи, продуктами и рыбой. Босе отдали продуктовый магазинчик, крошечный, но зато её собственный. Размеры местечек, где они вели бизнес, ограничения на проживание и другие препятствия религиозного характера, и привычные недоверие и осторожность по отношению к властям душили развитие семейного бизнеса.

Тем не менее, по тогдашним меркам местечек, Гноенские жили зажиточно. Семья стремилась к активной роли в общине. Лейб и несколько других мужчин из Гноенских и Габинских были среди тех евреев Корсуни, которые владели достаточным имуществом, чтобы претендовать на право голоса. Один из двоюродных дедушек Боси служил какое-то время раввином в Корсуне. Бося организовала, как сейчас бы сказали, благотворительный фонд для сбора приданого для бедных еврейских девушек местечка. Мужчины сосредоточились на расширении молитвенных домов и школ.

В середине 1860-х правительство губернии возбудило дело против группы купцов, среди которых был отец Лейба за то, что они построили религиозную школу, не получив предварительно на это разрешения. Виновники утверждали, что они не нуждаются в разрешении на использование еврейских благотворительных средств и поддержали свои аргументы бочкой мёда, доставленной "нужному" чиновнику - обвинения были сняты.

Дети Лейба и Боси Гноенских

У Лейба и Боси было шестеро детей: Давид, Симха (Семен), Хая (Хаюся), Бенцион (Бена), Рахиль (Бабеле) и Григорий (Гриша). О Бене, моём дедушке, я расскажу в отдельной главе. В их еврейском ортодоксальном окружении, Гноенские считали себя прогрессивной семьёй: они говорили по-русски, подписывались на русско-язычную газету, и их дочери читали светские книги.

На своих сыновей Бося питала большие надежды: высшее образование и карьеры за пределами семейного бизнеса. Из четырех, двое мальчиков разделяли её амбиции - Симха и Бена. Они уехали из Корсуня учиться. Не слишком далеко, насколько позволяло воображение и ресурсы семьи, в район нынешней Польши или Литвы.

Чтобы угодить родителям, Симха сделал вид, что занялся бухгалтерией, но, как они с ужасом обнаружили, правда, слишком поздно, он брал уроки бальных танцев. Они немного успокоились, когда увидели его после завершения обучения: стройный, собранный, с красивой осанкой, в цилиндре, в пальто с меховым воротником, и с тростью - в глазах Боси, он был воплощением светского человека. На заре XX-го века, в городе Умань он открыл школу танцев и танцевально-банкетный зал, который украсил люстрой, достойной, как он говорил, глаз царицы.

Офицеры царского гарнизона, расквартированного в городе, часто посещали детище Симхи, чтобы выпить и потанцевать со светскими дамами Уманьского христианского высшего общества. Умение Симхи вальсировать на цыпочках на банкетном столе, не разбив ни одного стакана или тарелки, позволило ему выигрывать так много ставок, что заключение таких пари стало статьёй его дохода. Увлечение танцами передалось по линии Гноенских, но никто пока не сделал танцы своей профессией.

Вынужденные покинуть Корсунь из-за страшных погромов 1919-го года, Лейб и Бося так никогда и не привыкли к безвестности в Харькове, тогдашней столице Украины, где они присоединились к своим детям. Прохожие не встречали Босю словами: "Guten Tag, добрый день, мадам Гноенская." Почта не доходила, если не было адреса на конверте, одного имени было недостаточно.

Потомки Гноенских живут в Украине, России, Израиле, Германии и США.

Корсунская еврейская организация сейчас издаёт газету Надежда.

Дети Лейба и Боси Гноенских, которых я знала

В 1966-м году на мои зимние каникулы мама отправила меня в Харьков познакомиться с ее тетей Бабеле и дядей Гришей. Гриша должен был встретить меня на вокзале. У нас не было фотографий друг друга, но меня дома уверили, что он меня узнает.

Моё дело было сойти с поезда и просто стоять на перроне и ждать. И это при том, что в этот день был сильный снегопад. Я тогда с гордостью носила моё первое взрослое пальто: черная шерсть, прямой крой, до икры, с узеньким, но норковым шалевым воротником. На моей голове была моя новая чёрная шляпка с узкими полями и с белой пуговицей на левой стороне.

Пассажиры рассеялись в течение нескольких минут после прибытия поезда, оставив меня одну на заснеженной платформе. Интересно, где же дядя Гриша и каким образом он узнает меня? Я оглядывалась по сторонам и встретила глазами с единственным человеком, находившимся в поле зрения, коренастым мужчиной в серой фетровой шляпе.

Он неуверенно шёл по направлению ко мне. Хлопья тающего снега и слезы катились по его щекам. "Бена", шептал он, снова и снова, и снова, с таким удивлением, как будто он не мог поверить своим глазам. Выражение моего лица говорило: «Почему Вы удивляетесь? Разве Вы не ожидали увидеть меня?» "«Это пальто. Эта шляпа," - прошептал он. "Ты выглядишь, как он, когда я видел его в последний раз." Как его брат Бена, которого он в последний раз видел сорок семь лет назад.

Я остановилась у Гриши, но также провела много времени у Бабеле. Она была хранительницей семейных связей. Я почувствовала это тогда и убедилась в этом, увидев ее лицо на фотографиях различных ветвей Гноевских, обнаруженных недавно. Моя вечная ей благодарность.

Семья собиралась почти каждый вечер, чтобы вкусно поесть и поболтать. Моё сходство с дедушкой, братом Гриши и Бабеле, помогло мне легко влиться в семью и миновать этап "притирки". Я забыла, что познакомилась с ними всего несколько дней назад. Я чувствовала, как меня любят и балуют.